

Библиотека для чтения

Том 175

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б59

Б59 Библиотека для чтения: Том 175 / – М.: Книга по Требованию, 2022. –
1056 с.

ISBN 978-5-518-10650-5

ISBN 978-5-518-10650-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стихахъ, и въ прозѣ умирала за генерала Джаксона. Талантъ дѣлился въ то время не дорого; талантливыхъ людей подозревали въ безхарактерности. Безплоднострасное безсміе нашло мѣсто, послѣ тысячекратныхъ обдумываній, оружіе противъ чуждости гениевъ; найдена была антитеза таланта и характера. Большинству было лично-дестно слышать подобныя выраженія, напримеръ, что хотя хорошіе люди обыкновенно бываютъ близки музыкантамъ, за то хорошіе музыканты—очень рѣдко хорошіе люди; личныя же достоинства въ свѣтѣ важнѣе, чѣмъ музыка. Пустыя головы думали, что имѣютъ основаніе гордиться полнотою своего сердца; всѣ величались своимъ образомъ мыслей. Мнѣ памятенъ одинъ изъ тогдашнихъ писателей, который вѣнчалъ себя въ особенную заслугу то, что совсѣмъ не умѣлъ писать: за свой деревянный слогъ онъ получалъ серебряный почетный кубокъ!

Клянусь вѣчными богами! въ то время слѣдовало бы заботиться о томъ, чтобы быть представителемъ неогъсимыхъ правъ разума, особенно въ поэзіи. И такъ какъ это представительство было главною задачею моею жизни, то я менѣе всего упустилъ его изъ виду въ предлагаемой поэзіи; въ ней какъ тонъ, такъ и содержаніе было протестомъ противъ пошлости тогдашнихъ трубунъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже первые напечатанные отрывки изъ Атта Троля разозлили до жолчи моихъ героевъ характера, моихъ римлянъ, которые обвиняли меня не только въ литературной, но и въ политической реакціи, даже въ поруганіи самыхъ священнѣйшихъ идей человечества. Что касается эстетическаго достоинства моею поэзіи, то я охотно пожертвовалъ имъ, что я готовъ сдѣлать и теперь; я писалъ ея для своего собственнаго удовольствія и потѣхи, въ капризно-нечтательномъ вкусѣ тогдашней романтической школы, гдѣ я провелъ лучшіе годы моею молодости и, вдобавокъ, поколотилъ самого учителя. Въ этомъ отношеніи поэма моя можетъ быть отвергнута. Но ты лжешь, Брутъ, ты лжешь, Кассій, и ты лжешь, Азиніусъ,—утверждая, что моя насмѣшка поражаетъ тѣ идеи, которыя составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка и за которыя я самъ такъ много боролся и страдалъ. Нѣтъ, такъ какъ эти идеи постоянно носятъ передъ поэтомъ въ ихъ блестящей чистотѣ и величіи, потому-то именно онъ и чувствуетъ неудержимый порывъ къ смѣху, вида, какъ грубо, неумно и пошло могутъ быть воплты эти идеи его ограничен-

ными современниками. Онъ, такъ сказать, смѣется надъ ихъ временною медвѣжьей инсургенціей. Бываютъ зеркала, въ которыхъ самъ Апполонъ кажется карриатурой и возбуждаетъ смѣхъ. Но мы смѣемся тогда надъ искаженіемъ, а не надъ самимъ богомъ.

Еще одно слово. Кажется, не за чѣмъ распространяться о томъ, что пародія Фрейлинградовой поэмы, подъ часъ лукаво проглядывающая въ Атта Троль и составляющая, такъ сказать, его комическую основу, — не имѣетъ цѣлю поколебать уваженіе къ поэту. Я высоко цѣню его, въ особенности теперь, и причисляю его къ самымъ замѣчательнымъ поэтамъ, появившимся въ Германіи послѣ июльской революціи. Первое собраніе его стихотвореній поздно дошло до меня, а именно тогда уже, когда былъ написанъ Атта Троль. Можетъ быть, это зависѣло отъ тогдашняго расположенія моего духа, что Царь Негровъ произвелъ на меня столь забавное впечатлѣніе. Впрочемъ, эта поэма считается однимъ изъ удачѣйшихъ его произведеній. Для читателей, незнакомыхъ съ нимъ совершенно, — а подобные, вѣроятно, найдутся въ Китаѣ или Японіи, даже на Нигерѣ и на Сенегалѣ — для нихъ замѣчу, что Царь Негровъ, выйдя изъ началъ поэмы изъ своего бѣлаго шатра, какъ затмѣвающая луна, и также и черная подруга его, надъ темнымъ челомъ которой развѣваются бѣлыя страусовыя перья. Они отправляются на битву, гдѣ гремитъ барабанъ, увѣшанный черепахами; но увъ! Эта битва для нихъ была коварнымъ Ватерлоо. Побѣдители продали его бѣлымъ. Бѣлые увлекаютъ гордаго африканца въ Европу, гдѣ только и встрѣчаютъ его въ услуженіи у странствующихъ волтижеровъ, которые ввѣрили ему при своихъ представленіяхъ турецкій барабанъ. И вотъ, стоитъ онъ, угрюмый и мрачный, при входѣ въ циркъ и бьетъ въ барабанъ; но, выбивая дробь, онъ думаетъ о своемъ быломъ величіи; онъ думаетъ о томъ, что нѣкогда онъ былъ независимымъ монархомъ на дальнемъ, дальнемъ Нигерѣ, и что охотился на львовъ и тигровъ,

Онъ плачетъ; глаза покрываетъ туманъ
И лопнулъ подъ сильной рукой барабанъ *.

Г. ГЕЙНЕ.

* По переводу О. Миллера.

I.

Между темными горами,
 Что стремятся гордо къ небу,
 Шумомъ дикихъ водопадовъ
 Убаюканъ, свить въ долину
 Элегантный Котересь.

Бѣлыхъ домиковъ балконы,
 А на нихъ стоятъ сеньоры
 И свѣются отъ душъ;

Отъ души свѣся, смотрятъ
 Внизъ на шумный, пестрый рынокъ:
 Предъ толпою, подъ волюнку,
 Такъ медвѣдь съ супругой пляшетъ.

Атта Троль—медвѣдь; супруга
 Черной Мумиою зовется;
 Въ восхищеніи отъ танцевъ
 Волятъ Баски.—Выступаетъ

Твердо, важно, *con grandezza*,
 Благородный Атта Троль.

У михвотой половинны —
 На достоинства, ни такта!

Даже ниѣ подъ часъ сдастся,
 Что она канканъ танцуетъ,
 Непрямично вертитъ задомъ,
Grand' Chaumière напоминая.

И вожатый—бравый царень.

Что ее на цѣпъ держитъ —
 Въ танцахъ Мумиы, вѣротно,
 Всю безправственность замѣтилъ:

По спинѣ ее онъ плетью
 Раза два хватилъ изрядно —
 И завывла громко Мумиы,
 Такъ, что горы отвѣчали!

У вожатаго на шляпѣ
 Шестъ фигуръ, которыхъ должность
 Защищать его отъ пули
 И известныхъ насѣкомыхъ.

На его плечахъ накинуть
 Со стола покровъ цвѣтистый—
 Плащъ ему онъ замѣнитъ;
 Пистолетъ подъ нима и ножикъ.

Былъ онъ въ юности монахомъ,
 Тамъ—бандитовъ атаманомъ;
 Чтобъ обоими сгать сразу,
 Онъ пошолъ служить Карлосу.

Но когда Карлосъ далъ тигу
Видѣть съ шайкой благородной,
То за честныя ремесла
Принялся палачины.

(Все описано Шнапганскиичъ)
Съ этихъ поръ защитникъ правды
Медвѣдей повсюду водить
Атта Троля съ черной Муммой:

Ихъ обонхъ заставляетъ,
Танцовать передъ толпою.
Вотъ на рынкѣ Котереса
Атта Троль въ цѣпяхъ тащуетъ!

Атта Троль, лѣсовъ властитель,
Прежде гордый обитатель
Горъ свободныхъ! онъ, въ долниѣ,
Предъ людскою толпою пляшетъ?

Изъ-за золота онъ пляшетъ!
Униженъ! онъ, который,
Въ дни своей ужасной силы,
Думалъ быть царемъ вселенной.

Онъ о молодости вспоинилъ,
О потерянномъ престолѣ —
И летятъ глухіе звуки
Изъ души могучей Троля!

Мрачно смотритъ онъ, какъ черный
Негровъ Царь у Фрейлиграта;
Тотъ прескверно барабанилъ,
Нашъ—танцуетъ пренеловко!

Но надъ танцемъ безнадежнымъ
Всѣ сивются, не жалбуютъ;
И хочешь ты, Жульета,
Надъ отчаянья прыжками!

Нѣтъ души въ груди Жульеты,
Какъ французенка—вся внѣшность,
Но ея, клянуса, внѣшность
Восхитительно-преlestна.

Взоры милой—точно сѣтки
Изъ лучей; и въ этой сѣткѣ
Нѣжно сердце заширеть
И трепещетъ, словно рыбка! .

II.

Черный Царь у Фрейлиграта,
По родной странѣ тоскуя,
Бьетъ такъ сильно, что порвался
Съ трескомъ кожа барабана.

Это истинно ужасно!
 Барабашно—архи-страшно!
 Но представьте же медведя
 Разбивающего цѣпи!

Свѣтъ и музыка—нѣтъ!;
 И толпа, оставя рынокъ,
 Съ воплемъ ужаса песетя,
 И сеньоры поблѣднѣли.

Да, избавился отъ рабской
 Цѣпи сразу Атта Троль.
 Вотъ онъ съ дикими прыжками
 Узкой улицей летитъ;

(Всѣ сторонятся утѣшо)
 Вотъ взбирается на скалы,
 Взглядъ презрѣнія бросаетъ
 На людей—и исчезаетъ!

Съ Черной Муммой лишь вожатымъ
 На пустомъ остался рынокъ;
 Съ воплемъ шлангу онъ бросаетъ,
 Въ страшной ярости на землю.

И свирѣпый, онъ во гнѣвъ
 Шестъ фигуръ ногами топчетъ;
 Скаторты съ плечъ своихъ срываетъ,
 И кличетъ неблагодарность!

Да, черна неблагодарность
 Атта Троля; онъ какъ съ другомъ,
 Съ нимъ, съ медвѣдемъ, обращался;
 Обучилъ его онъ танцамъ.

Не ему-ли онъ обязанъ
 Даже жизнию? За шкуру
 Атта Троля предлагали
 Много денегъ, но—напрасно!

И на бѣдную вдругъ Мумму,
 Что, какъ статуя печали,
 Передъ нимъ, на заднихъ лапахъ,
 Онѣмѣвшая, стояла —

Онъ накинулся, и дусть
 По плечамъ ея, ругая
 Королевою Христинной,
 Давной Муньсоцъ и Путаной. —

Вотъ что дѣтнею порою,
 Разъ подъ вечеръ приключилось
 И за этииъ днѣиъ чудеснымъ
 Ночь предѣстная настала.

Половину этой ночи
 Простомлъ я на балконѣ;

Тамъ со мной была Жульета,
Молча звѣзды созерцаа; —

И, вдохнувъ, она сказала:
Звѣзды, звѣзды, вы прекраснѣй
Зимнимъ вечеромъ, въ Парижѣ,
Отражаясь въ гризанныхъ лужахъ!»

III.

Фантастична и безъ цѣли
Пѣсня моя, сонъ лѣтней ночи,
Какъ любовь, какъ жизнь, безъ цѣли,
Какъ созданье и создатель!

Мой пегасъ летитъ и скачетъ,
Повинуясь капризу;
Онъ несется въ царство басенъ!
Мой пегасъ не конь мѣщанства.

Добродѣтельно-полезный,
Ниже конь безумства партій,
Что на битву страстно мчатся,
Бьеть копытомъ, ржетъ и топчетъ!

Конь мой бѣлый и крылатый,
Конь мой золотомъ подкованъ,
Поводъ жемчугомъ унванъ, —
Я пустилъ его по волѣ.

О, несись куда ты хочешь,
По горамъ-ли и утесамъ,
Гдѣ бѣгутъ, кричатъ скакдады,
Низвергаясь шумно въ бездну;

Или въ тихія долины,
Тамъ царить спокойно дубы,
Изъ подъ ихъ корней сучковыхъ
Льется вѣчныхъ сагъ источникъ.

Тамъ напьюся и оною
Очи влагой! Ахъ, я жажду
Той воды живой, чудесной,
Что творить поэта вѣщамъ.

Слѣпоту съ очей сгоняеть! —
Взоръ мой быстро проникаеть
Въ глубину пещеры Троля,
Рѣчь его я понимаю.

О, чудесно! Какъ знакомы
Мнѣ недвижной рѣчи звуки.
Не слыхалъ-ли я ихъ прежде.
Въ дорогой носѣ отчизнѣ.

IV.

Лишь твое услышу имя,
 Благородная долина
 Ронсеваль! въ печальномъ сердцѣ
 Развѣтуютъ благоуханья,
 Позабытыя легенды!
 Миръ, столѣтїя проспавшїй,
 Оживаетъ предо мною;
 И огромными глазами
 Привидѣнїя такъ смотреть.
 Что становится мнѣ страшно!
 Звонъ в смутѣ! Сарацины
 Снова съ франками дерутся.
 Какъ кроваво—безнадежно
 Рогъ Роланда раздается!—
 Тамъ, въ долину Ронсевала,
 Близъ Роландова прохода,
 (Гдѣ герой—гласить преданье—
 Чтобы путь себѣ очистить,
 Такъ мечомъ своимъ Дурандой
 По скалѣ хватилъ нарядно,
 Что слѣды видны доселѣ).
 Тамъ-то, въ сумрачномъ ущельи
 Сосны дикїя скрываютъ
 Входъ въ пещеру Атта Троля.
 Тамъ, въ своей пещерѣ вѣрной,
 Атта Троль, въ кругу семейства,
 Отдыхаетъ отъ побѣга
 И житейскихъ тревоженїй.
 О, счастливое свиданье!
 Онъ дѣтей увидѣлъ снова;
 Ихъ вскорнилъ онъ съ Черной Муммой,
 Дщери двѣ, сыновъ четыре.
 Гладкошерстыя дѣвицы,
 Словно дочери пастора,
 Бѣлокуры; сыновья же
 Бурой шерсти; только младшїй,
 Одноухъ—бронеть (играя,
 Своему Веніамину
 Мумма ухо откусила
 И сожрала,—отъ любви).
 Этотъ младшїй—просто генїй,
 Онъ гимнастъ, какнхъ немного,

До кувыркинѣй охотникъ,
Словно Массманъ, Турнкустмейстеръ.

Цвѣтъ медвѣжьей молодежи,
Только свой языкъ природный
Любитъ онъ, и не учился
Греко-римскому жаргону.

Весель, набожень, свободень,
Свѣжъ, терпѣть не можетъ мыла—
Роскошь модныхъ умываній—
Какъ и Массманъ, Турнкустмейстеръ.

Но за то онъ истый геній,
Лѣзть на дерево родное,
Что изъ пропасти выходитъ,
Вдоль крутой скалы стремится.

И доходить до площадки,
Гдѣ, вокругъ отца, семейство
Собирается подъ вечеръ
И бесѣдуетъ въ прохладѣ.

Тамъ охотно повѣствуетъ
Атта Троль, какъ жилъ онъ въ свѣтѣ,
Что онъ видѣлъ очень много
Городовъ, людей; какъ много

Онъ страдалъ, уподобляясь
Одиссею Лаертиду,
Съ тою разницей, что Мумма,—
Пенелопа въ черной шкурѣ—
Съ нимъ труды его дѣлила.

Онъ рассказываетъ также
Объ успѣхѣ колоссальномъ
Танцевальнаго искусства.

Увѣряетъ: старъ и малый,
Всѣ ему рукоплескала,
Какъ подъ сладкую волюнку
Онъ плясалъ на пестрыхъ рынкахъ.

И въ особенности дамы,
Эти нѣжныя созданья,
Въ дѣлѣ танцевъ знатоки,
Аплодировали шумно.

О, тицеславіе артиста!
Улыбаясь, вспоминаетъ
Атта Троль о томъ, какъ прежде
Отличался всенародно.

Вдохновленьемъ озаренный,
Доказать онъ хочетъ фактомъ,
Что не хвастаетъ ни мало,
Что танцоръ онъ превосходный.

Онъ вскопалъ въ одно мгновение,
 Поднялся на заднѣхъ лѣвахъ,
 И танцуетъ, какъ бывало,
 Свой гавоть, любимый танецъ.
 Наумленные, нѣмые,
 Смотрятъ юные медвѣди,
 Какъ чудесно въ лунномъ свѣтѣ
 Ихъ отецъ гавоть танцуетъ!

V.

Атта Троль, скорбя душою,
 На спитъ, въ кругу семейства.
 Возлежитъ въ своей пещерѣ;
 И ворча, сосетъ онъ лапу:
 «Мумма, Мумма, черный жемчугъ,
 Я тебя въ житейской морѣ
 Отъискалъ; въ житейской морѣ
 Снова я тебя покинулъ.
 «Неуже-ль лишь въ царствѣ мертвыхъ
 Мы увидимся съ тобою.
 Гдѣ душа преобразится,
 Отъ земныхъ цѣпей свободно.
 «О, когда-бъ еще хоть разикъ
 Полизать твое мнѣ рыло,
 Рыло Муммы, что такъ сладко,
 Будто вымазано медомъ!
 «И еще хоть разъ конюхаты
 Этотъ запахъ, что лишь свойственъ
 Милой, вѣрной, черной Муммѣ
 И какъ розы ароматенъ!
 «Но ова—увы!—томится,
 Да, въ цѣпяхъ того отродья,
 Что зовется человѣкомъ.
 И себя воображаетъ:
 «Всей вселенной властелиномъ!
 Ахъ и смерть! О, эти люди,
 Эти арц-аристократы
 На другихъ звѣрей претендо
 «И съ дворянской свѣсью смотрятъ.
 Жень, дѣтей у насъ воруютъ,
 Насъ закопываютъ въ цѣпи,
 Мучать, бить и убиваютъ,
 «Для того, чтобъ поживиться
 Нашей шерстью, нашимъ жиромъ!

И они считают правомъ
 Позволять себѣ безчинства
 «Передъ всѣми, особливо
 Въ отношеніи медвѣдей!
 Ваше право, ваше право!
 Кто въ вѣкъ далъ такое право?
 «Ужъ, конечно, не натура!
 Или тѣмъ вы, люди, выше,
 Что наукой и искусствомъ
 Занимаетесь съ успѣхомъ?
 «Мы вѣдь тоже кой-что знаемъ,
 Мы не скорбны головою!
 Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
 Лошадей, что такъ считаютъ,
 «Какъ совѣтники въ палатѣ?
 Барабанщиковъ изъ зайцевъ?
 Развѣ бобръ не отличился
 Въ гидростатикѣ? а антъ?
 «Не ему-ли мнѣ обязанъ
 Изобрѣтеніемъ клистира?
 А ослы не пишутъ критикъ?
 Обезьяны не актеры?
 «Гдѣ-жъ такая есть актриса,
 Какъ Батавія—мартышка?
 Нѣтъ пѣвцовъ межъ соловьями?
 Фрейлигратъ не стихотворецъ?
 «Кто же лучше льва прославить
 Земляка его верблюда?
 Да я самъ танцоръ извѣстный
 Развѣ хуже я танцую,
 «Чѣмъ геръ Раумеръ кропаетъ?
 Чѣмъ же вы насъ, люди, выше,
 Тѣмъ, что задрали высоко
 Ваши головы? Но въ нихъ-то
 «Мысли низкія родятся!
 Или тѣмъ вы, люди, выше,
 Что у васъ безъ шерсти кожа,
 И гладка, какъ у гадюки?
 «О, двуногіе ехидны!
 Знаю я, зачѣмъ вы въ брюкахъ!
 Наготу свою, ехиданы,
 Вы чужой закрыли кожей!
 «Дѣти, дѣти, берегитесь
 Вы безшерстаго отродья!
 Дщери, дщери! не влюбляйтесь,
 Вы въ звѣрей итаны носящихъ!»